

Нормирование миноритарных языков: конфликт традиционных носителей и новых говорящих

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется конфликт между традиционными носителями миноритарного языка и новыми говорящими, выучившими его в стандартизированной форме в рамках программ ревитализации. Автор раскрывает социально-психологическую и лингвистическую сторону этого конфликта. На примере мэнского языка показано, что обе стороны разделяют пуристические взгляды, хотя для первых чистота языка означает соблюдение норм, реально сложившихся в речевой практике, а для вторых – инновации с целью возврата к историческим корням языка.

Ключевые слова: нормирование языка, миноритарный язык, новые говорящие, пуризм, язык острова Мэн

Для цитирования: Германова Н. Н. Нормирование миноритарных языков: конфликт традиционных носителей и новых говорящих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 25–32

Original article

Standardizing Minority Languages: Conflict between Traditional and New Speakers

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nata-germanova@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the conflict between traditional speakers of minority languages and new speakers, who learned the language in its standardized form in the course of revitalization. The author reveals the social, psychological and linguistic aspects of this conflict. It is shown, with a special reference to Manx Gaelic, that both sides of the conflict take a purist stand; however, for the former it means following traditional linguistic practices, while for the latter – innovations with a view to return to historical roots.

Keywords: language standardization, minority language, new speakers, purism, Manx Gaelic language

For citation: Guermanova, N. N. (2024). Standardizing minority languages: conflict between traditional and new speakers. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (884), 25–32.

ВВЕДЕНИЕ

Нормирование языков, предполагающее унификацию вариативного языкового употребления, модернизацию словаря, регламентирование дискурсивных практик, графизацию языкового идиома, часто провоцирует как конфликты между лингвистами и широкой общественностью, так и разногласия в среде самих лингвистов.

Особенно остро стоит вопрос о нормировании языков, находящихся под угрозой исчезновения. Для них принципиален вопрос о сближении или отдалении от норм мажоритарного языка, доминирующего в данном регионе: тот или иной выбор, как правило, свидетельствует о геополитической позиции нормализаторов. Такого рода конфликты нередко носят межэтнический характер, так что решение, к примеру, о выборе орфографического стандарта или о допустимости заимствований из доминирующего языка выливается в дискуссию о статусе языкового идиома (диалект или самостоятельный язык) [Германова, 2021; Архипова, 2019].

В настоящей статье речь пойдет о еще одном типе конфликта, актуальном для миноритарных языков. Этот конфликт возникает тогда, когда процесс межпоколенческой передачи языка нарушается, вследствие чего между речевой практикой традиционных носителей языка и представителей молодого поколения, изучающих миноритарный язык в рамках разного рода программ по его ревитализации, возникают существенные различия. На первый взгляд, это конфликт поколений: старшее поколение сохраняет память о традиционных формах миноритарного языка, в то время как молодое поколение приобщается к нему в его модернизированной форме, сложившейся в результате работы по его стандартизации. Однако далеко не всегда дело в возрасте, или, по крайней мере, проблема заключается не только в возрасте: традиционные носители миноритарных языков и «новые говорящие» относятся к разным социально-психологическим группам, так что первые часто ставят под сомнение статус новых говорящих и легитимность их языковой практики, вторые также часто не готовы ориентироваться на речь традиционных носителей языка.

НОВЫЕ ГОВОРЯЩИЕ И ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ

Пристальное внимание к проблемам миноритарных языков влечет за собой необходимость уточнить статус различных категорий его носителей, то есть выработать определенную типологию говорящих, основанную на их социопсихологических

характеристиках и уровне владения языком. В «Кембриджской энциклопедии языков, находящихся под угрозой исчезновения», предложена следующая типология носителей миноритарных языков:

- традиционные носители языка (с учетом высокого уровня владения языком их также называют «fluent speakers») – это люди, освоившие язык в результате его межпоколенческой передачи и имеющие партнеров, с которыми они могут поддерживать беседу на миноритарном языке;
- говорящие, владеющие языком лишь частично (их часто называют «полуговорящими» – semi-speakers) – это люди, понимающие речь на миноритарном языке, но испытывающие трудности при ее продуцировании; несмотря на это, они могут принимать участие в общении на миноритарном языке, по крайней мере, вставляя отдельные уместные реплики;
- терминальные носители языка (terminal speakers) – люди, слабо владеющие миноритарным языком и практически не имеющие возможности использовать его в коммуникативных целях;
- так называемые «rememberers» – люди, более не использующие миноритарный язык, но способные припомнить некоторые слова и выражения, знакомые им с детства;
- «носители-призраки» (ghost speakers) – люди, отрицающие знание миноритарного языка вследствие негативного отношения к нему и к соответствующей лингвокультуре вопреки владению данным языком (по крайней мере, в некоторой степени);
- новые говорящие (neo-speakers, new speakers) – люди, изучающие миноритарный язык в рамках разного рода программ, нацеленных на его ревитализацию;
- последние носители – это, как правило, традиционные носители, сохранившие знание языка в условиях отсутствия коммуникативных контактов с другими носителями по причине полного отсутствия последних; в ряде случаев они свободно владеют языком предков, в других случаях уровень их знаний сближает их с представителями категории «rememberers» [Grinevald, Bert, 2011].

В настоящей статье речь пойдет о двух из этих категорий – о традиционных носителях и новых говорящих и о том, как оценивается их речевая практика местным сообществом.

Следует заметить, что термин «новые говорящие» используется в социолингвистической литературе в разных значениях. В последнее время

он всё чаще употребляется в качестве зонтичного термина, который применим к таким разным категориям билингов, как мигранты, вынужденные овладеть языком своего нового окружения; учащиеся, изучающие иностранный язык в академической обстановке; активисты, пытающиеся возродить миноритарный язык и т. д. В любом случае новые говорящие противопоставляются тем носителям языка, для которых данный язык является родным.

Последнее обстоятельство дает основания для выработки определенной иерархии носителей языка, в которой новые говорящие занимают подчиненную позицию, что вызывает протесты тех лингвистов, которые усматривают в этом маргинализацию обширной группы пользователей языком (обзор работ сторонников этой точки зрения см. в: [Ó Murchadha et al., 2018, с. 9–10]). Помимо социально-политического аспекта, дискуссии о статусе новых говорящих затрагивают такие теоретически значимые вопросы, как понятие «носитель языка» (*native speaker*), природа языковой нормы, роль языковых контактов в языковой эволюции, перспективы ревитализации миноритарных языков и др.

В настоящей статье речь пойдет о новых говорящих применительно к миноритарным языкам. Хотя этнолингвистическая витальность миноритарных языков во многом зависит как раз от этой категории носителей, нередко (хотя и не всегда) между традиционными носителями языка и новыми говорящими существует определенная отчужденность.

По многим параметрам характеристики традиционных носителей и новых говорящих противоположны: традиционные носители – это обычно люди старшего поколения, проживающие в сельской местности и далеко не всегда получившие образование. Новые носители относятся к различным возрастным группам, в том числе к молодому и среднему поколениям; это горожане среднего класса, изучающие миноритарный язык в академических условиях. Традиционные говорящие осознают свою связь с конкретным местом и локальным сообществом, в то время как новые говорящие не всегда являются членами местного коллектива и не всегда могут – даже при наличии у них такого желания – войти в него. Это означает, что традиционные носители и новые говорящие часто не входят в одни и те же социальные сетки и сообщества совместной практики (*communities of practice*), т. е. не интегрированы (или не полностью интегрированы) в местное сообщество.

Различаются и сферы употребления миноритарного языка разными категориями говорящих: традиционные носители употребляют язык предков в неформальных ситуациях, в разговорах с

родственниками и друзьями; новые говорящие также могут использовать его для общения в дружеском кругу, но наряду с этим готовы употреблять его и в более официальном контексте, в том числе и на письме. Нередко различается и мотивация говорящих: за использованием миноритарного языка новыми говорящими могут стоять политические и идеологические убеждения, в то время как традиционные носители используют свой язык для реализации практических потребностей.

Помимо социально-психологического аспекта, существует и собственно лингвистическое изменение проблемы. Традиционные носители говорят, как правило, на диалектах миноритарного языка и часто не владеют его письменной формой. Новые говорящие, напротив, приобщаются через систему образования к стандартной модернизированной форме миноритарного языка; последняя может отличаться от традиционных диалектов как лексикой, так и, в некоторых случаях, грамматикой.

При этом оценка этих двух вариантов миноритарных языков противоположной стороной далеко не всегда оказывается положительной. С одной стороны, среди традиционных носителей языка бытует мнение, что речевые практики новых носителей лишены аутентичности, так что языки, прошедшие процессы модернизации и стандартизации, воспринимаются ими как «искусственные». В результате номинации типа *neo-speakers*, *néo-locuteur*, *neo-Provençal*, *néo-breton* и т. д. нередко приобретают отрицательные коннотации.

Подобная оценка разделяется и частью академического сообщества. Таково, например, мнение французского лингвиста Ф. Бланше относительно стандартного провансальского языка: «Новояз, используемый новыми говорящими, это ... если его правильно проанализировать, пословный перевод с французского языка. ... Новое поколение из Каландреты (двуязычная школа на юге Франции, где окситанский язык используется как средство обучения наряду с французским. – Прим. авт.) говорит на совершенно отвратительном языке, своего рода суперназальном парижском сленге с -о на конце слов (которое они фактически произносят как -е)»¹ [цит. по: Costa, 2015, с. 130].

С другой стороны, говорящие на стандартизированных вариантах миноритарных языков нередко утверждают, что традиционные диалекты в течение длительного времени подвергались влиянию мажоритарных языков и в результате до определенной степени утратили свою самобытность. Для преодоления последствий языковых контактов сторонники данной точки зрения

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

предлагают лексические инновации, основанные на исконных корнях

При этом следы языковых контактов присутствуют, конечно, и в стандартизированных вариантах миноритарных языков, однако нередко они проявляются не столько в лексике, сколько в синтаксисе и просодике. Любопытно, что если традиционные носители и лингвисты, выступающие против модернизации миноритарных языков, относятся к лексическим заимствованиям из мажоритарных языков достаточно терпимо, то влияние доминантных языков на языки новых говорящих в сфере синтаксиса и просодии нередко вызывает резко негативную оценку [Costa, 2015].

Таким образом, и традиционные носители, и новые говорящие разделяют пуристические настроения, хотя для первых чистота языка означает соблюдение норм, реально сложившихся в речевой практике, а для вторых – борьбу с последствиями языковых контактов и возврат к историческим корням языка, по крайней мере, в сфере лексики.

Ниже данный конфликт будет рассмотрен на материале языка острова Мэн.

НОВЫЕ ГОВОРЯЩИЕ НА МЭНСКОМ ЯЗЫКЕ: «ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ» И «РЕВИТАЛИЗАТОРЫ»

Судьба языка острова Мэн необычна: это один из немногих языков мира, в котором достаточно успешно произошел обратный языковой сдвиг. В 1974 году после смерти последнего традиционного носителя мэнский язык перешел в число мертвых, однако усилия энтузиастов привели к его возрождению во второй половине XX – начале XXI веков (см. подробнее [Германова, 2023]). Таким образом, на настоящий момент все носители мэнского языка (их насчитывается уже более 2 тыс., а к 2032 их число, как предполагают, достигнет 5 тыс.) относятся к категории новых говорящих. Особую группу, насчитывающую всего несколько десятков носителей, составляют молодые люди, выросшие в семьях активистов, с младенчества общавшихся с ними на мэнском языке. Однако, хотя для этих молодых людей мэнский язык является материнским языком, они не вполне вписываются в категорию традиционных носителей: язык, который им передали в детстве родители, сам по себе был результатом программ по возрождению уже вымершего языка.

Возрожденный мэнский язык стал для его носителей одним из маркеров внутригрупповой солидарности и символом островной идентичности. По мнению исследователей, структура сообщества носителей мэнского языка определяется, прежде

всего, уровнем их владения языком: «большинство бегло говорящих относят себя к центральной группе «говорящих» (speakers), окруженных значительно большей группой «изучающих» (learners) разного уровня компетентности» [Ó hIfearnáin, 2015, с. 46].

В социальном плане носители мэнского языка относятся к среднему классу, с культурной точки зрения это грамотные люди, нередко получившие хорошее образование, их возраст варьирует, однако пожилых людей среди них достаточно мало. Таким образом, их социальный, образовательный и возрастной портрет типичен для новых говорящих, но не для традиционных носителей миноритарного языка.

В отсутствии традиционных носителей конфликт традиционалистов и сторонников новых норм на острове Мэн разыгрывается в среде новых говорящих. Видимо, это обстоятельство отчасти объясняет тот факт, что конфликт протекает в сглаженной форме. Свою роль играет и то обстоятельство, что в составе населения острова число коренных жителей невелико, так что даже среди людей, пропагандирующих мэнский язык, есть не только коренные островитяне [Cheek, Nicol, Grainger, 2011]. При этом среди активистов доминируют прагматические настроения: их в первую очередь волнует задача возрождения мэнского языка как такового, а не вопрос о той конкретной форме, в которой он будет употребляться.

Тем не менее исследователи выделяют среди носителей мэнского языка и представителей академического сообщества две фракции. К одной относятся сторонники ориентации на традиционный мэнский язык в той форме, в которой он был зафиксирован исследователями, в том числе в (аудио)записях и интервью с последними носителями, к другой – сторонники пуристической «чистки» этого языка для его возврата к кельтским истокам. К. Левин называет представителей этих противостоящих друг другу групп «пуристами» и «аутентистами» (authenticists) [Lewin, 2022, 2017a, 2017b], Б. Стоуэлл – «презервационистами» (preservationists) и «ревайвалистами» (revivalists)¹ [Stowell, 2005].

Дискуссии придает остроту крайне неоднозначная, зачастую резко негативная оценка мэнского языка его исследователями. Из-за многочисленных заимствований из английского языка среди лингвистов, начиная с XIX века, сложилось мнение о его креольском характере, что вызывало к нему критическое отношение. Дальше всего в критике языка острова Мэн зашел Т. Ф. О'Рахилли, который

¹Терминология Б. Стоуэлла объясняется тем, что применительно к мэнскому языку правильнее говорить о возрождении этого языка (revival), а не о его ревитализации (revitalization).

в 1932 году заявил, что «мэнский язык едва ли заслуживает того, чтобы жить» [O’Rahilly, 1932, с. 121]. Отдельные возражения автора вызывала орфография: «На мой взгляд, эта система является исторической мерзостью, поскольку она отделяет мэнский от остального гэльского мира (Gaeldom) и таким образом разрушает их языковое единство» [цит. по: Lewin, 2017б, с. 43]. Значительно позднее Дж. Бродерик также напишет об «упадке и кончине» мэнского, который из-за произошедших в нем перемен больше не может, по его мнению, оставаться полноценно функционирующим языком [Broderick, 1999, с. 169].

К. Левину, современному исследователю мэнского языка, проблема представляется значительно более сложной, так как ряд диахронических процессов, определивших облик мэнского языка, следует объяснить внутренними тенденциями его развития, а не только влиянием английского (которое, несомненно, также имело место). Он полагает, что мнение о креольском характере мэнского языка преувеличено, поскольку его грамматика на протяжении веков не демонстрирует радикального упрощения, характерного для типичных креольских языков [Lewin, 2017б; Lewin, 2022].

Дискуссия о предполагаемом креольском характере языка острова Мэн имеет прямое отношение к практике его нормирования. Как указывает К. Левин, взгляды нормализаторов на источники языковой нормы существенно различаются, причем это напрямую зависит от оценки степени и характера влияния английского языка на мэнский.

Так, Р. Л. Томсон (1927–2006), автор многочисленных публикаций, бывший член Консультативного совета по мэнскому гэльскому языку (The Manx Gaelic Advisory Council, или Coonceil ny Gaelgey)¹, который решает вопросы, связанные с установлением нормы мэнского языка, является сторонником традиционных норм. Его, по мнению К. Левина, следует отнести к «аутентистам» (в нашей терминологии – к традиционалистам) [Lewin, 2017б; Lewin, 2022]. Р. Л. Томсон был не склонен объяснять развитие мэнского языка исключительно влиянием английского и, тем более, расценивать его как признак упадка. В целом он крайне осторожно относился к инновациям, хотя и допускал их неизбежность в отдельных случаях [там же].

Принципиально другую позицию занимает Д. Фаргхер, автор «Англо-мэнского словаря» (1979), оценивающий англизацию как историческую несправедливость. Его словарь не является строго дескриптивным: он вносит в лексикон инновации, способствующие, по его представлениям,

¹Это подкомитет организации Culture Vannin, главного органа, занимающегося продвижением мэнской культуры и языка.

улучшению языка, включая в него заимствования из ирландского и гэльского языков. Более того, он экспериментирует и с грамматикой, о чем свидетельствует следующий пассаж из его предисловия к «Англо-мэнскому словарю»: «Я не приношу свои извинения за то, что попытался восстановить мутации (характерные для кельтских языков изменения начальных согласных. – *Прим. авт.*), категорию грамматического рода и другие характеристики гэльского языка, которые, несомненно, существовали в дописьменном и классическом мэнском языке, но которые уже исчезли до кончины последних носителей мэнского из-за того хаоса, который был привнесен в мэнский английский язык» [цит. по: Lewin, 2017б, с. 44].

Такого рода предложения вписываются в существовавшее с конца XIX века пан-кельтское движение, ставящее своей целью объединить носителей кельтских языков в единое сообщество и сформировать у них осознание общекельтской идентичности. В рамках этого движения в конце XIX века сформировалась и пан-гэльская идеология, задачей которого является, прежде всего, сближение ирландского и шотландского гэльского языков. Хотя эти идиомы признаны отдельными языками, они достаточно близки друг к другу как с исторической², так и с собственной лингвистической точки зрения, что, вкупе с политическими и культурными движениями в поддержку кельтской солидарности создавало почву для программ по их сближению. Впрочем, это движение не добило существенных успехов, в том числе и по причине отсутствия регулярных прямых контактов между носителями ирландского и шотландского гэльского языков. Сторонникам пан-гэльской идеологии не удалось прийти к консенсусу и по вопросу орфографических различий: фактически орфографические реформы XX века только увеличили различия между языками; сближения языковых норм не наблюдалось и в других областях [McLeod, 2008].

Характерно, что пан-гэльская идеология XIX–XX веков не принимала во внимание существование мэнского гэльского, который, очевидно, представлялся слишком англизированным для того, чтобы считаться в полной мере кельтским; его, как было отмечено выше, даже упрекали в том, что он разрушает гэльское единство.

²Шотландский гэльский язык является потомком ирландского языка, в Шотландию его принесли ирландские переселенцы в IV веке. Самостоятельные нормы шотландского гэльского языка стали складываться, вероятно, с XIV века, и хотя взгляды лингвистов на начало этого процесса существенно варьируют, все исследователи соглашаются с тем, что к XVII веку шотландский гэльский стал восприниматься как отдельный язык [McLeod, 2008, с. 89].

Стремление вернуть мэнский к его кельтским истокам приводит к тому, что пуристически настроенные реформаторы традиционного мэнского языка рекомендуют использовать исконные мэнские слова и выражения или лексемы гэльской этимологии вместо уже закрепившихся в языке заимствований из английского языка. Они могут отвергать даже те заимствования, которые уже прочно закрепились в ирландском или гэльском языках, предлагая взамен неологизмы, основанные на материале мэнского языка. Характерными примерами являются *symoil* («интересный», от ирл. *suimiúil*); *anaasagh* («необычный, редкий», от шотл. гэльск. *annasach*), *corran buigh* («банан», дословно «желтый полумесяц») вместо *banana*; *etlan-cassee* («вертолет», дословно «крутиться» + «зависать») вместо прежнего *coptyr* (сокр. англ. *helicopter*) и другие новообразования такого рода [Broderick, 2013].

Усилить кельтский элемент в мэнском языке в свете пан-кельтских настроений представляется понятной целью реформаторов. Однако в практическом плане она еще менее осуществима, нежели сближение ирландского, шотландского и гэльского языков.

Представления об источниках нормы варьируют и в оценках рядовых носителей мэнского языка. Некоторые из них ищут образцы «правильного» языка в корпусе текстов и аудиозаписях речи последних традиционных носителей языка, которые благодаря Интернету стали более доступны широкой публике. Как отмечает К. Левин, интерес к этим материалам, доступным в цифровой форме, существует не только среди лингвистов, но и среди молодых людей, изучающих мэнский язык [Lewin, 2022]. Однако ценность такого рода записей как ориентира для современной нормы речеупотребления остается спорной. Как отмечалось выше, достаточно распространено мнение, что мэнский язык в том виде, в каком он был записан в XX веке, это далеко не тот чистый с исторической точки зрения язык, который мог бы быть взят за образец: последние носители, будучи двуязычными, невольно внесли свою лепту в многовековую историю его англизации.

В результате большинство изучающих мэнский язык не принимают речь традиционных носителей языка прошлого за абсолютный образец. Вот характерное высказывание современного носителя языка: «Я слушаю записи речи старых

носителей языка. Странно, но по большей части их мэнский не лучше того, на котором говорят сейчас, и они не говорят о современных проблемах. Я предпочитаю слушать современных носителей, бегло говорящих на мэнском...» [цит. по: Ó hIfearnáin, 2015, с. 56–57]. Это высказывание свидетельствует о значимости социальных сетей и сообществ совместной практики в распространении языковых норм. По данным опроса¹, только два респондента из тридцати двух опрошенных считали необходимым ориентироваться на речь последних носителей языка; девять респондентов, напротив, заявили, что для них при оценке хорошей речи на мэнском языке старые образцы не представляют интереса [там же].

Эта позиция указывает на готовность тех, кто изучает мэнский, включать в свой речевой репертуар современные инновации. Как уже отмечалось выше, по крайней мере, часть этих инноваций предполагает усиление «кельтского начала» в мэнском языке, т. е. соответствует устремлениям тех, кого К. Левин назвал «пуристами».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очерченные выше тенденции проявляются в конкретных этнических и социополитических условиях по-разному. Варьирует степень различия традиционного и стандартного вариантов миноритарного языка, их престижность в глазах разных категорий носителей, формы осуществления программ ревитализации и их радикальность, степень неприятия традиционными носителями и новыми говорящими идиомов друг друга и т. п.

Возникающие пуристические настроения принимают либо ретроспективный характер (ориентация на сложившийся в речи традиционных носителей узус) либо проспективный характер (стремление избавиться от заимствований путем создания новых лексем и конструкций на базе исконной лексики и грамматики). В любом случае, конфликт двух языковых норм – традиционной нормы миноритарного языка и его стандартизованного варианта – до сих пор остается неразрешенным. С данной проблемой сталкиваются лингвисты, работающие над возрождением языков, находящихся под угрозой исчезновения.

¹В нем приняли участие жители острова Мэн, признанные наилучшими знатоками мэнского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Германова Н. Н. Нормирование языка и лингвистическая конфликтология // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851). С. 11–22.

2. Архипова Л. С. Стандартизация миноритарного языка как способ повышения его этнолингвистической vitality // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 11–21.
3. Grinevald C., Bert M. Speakers and communities // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 45–65.
4. Ó Murchadha N. P. et al. New Speakers, Familiar Concepts? / N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, C. Smith-Christmas, M. Moriarty // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–22.
5. Costa J. New speakers, new language: on being a legitimate speaker of a minority language in Provence // *International Journal of the Sociology of Language*. 2015. Vol. 231. P. 127–145.
6. Германова Н.Н. «Язык-феникс»: опыт ревитализации языка острова Мэн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 18–26.
7. Ó hlfearnáin T. Sociolinguistic vitality of Manx after extreme language shift: authenticity without traditional native speaker // *International Journal of the Sociology of Language*, 231. 2015. P. 45–62.
8. Cheek C., Nicol S., Grainger S. Manx identity and Comeovers // *Islands and Britishness: A Global Perspective*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 65–77.
9. Lewin Ch. Continuity and hybridity in language revival: The case of Manx // *Language in Society*. 2022. Vol. 51(4). P. 663–691. doi:10.1017/S0047404521000580
10. Lewin Ch. Scholarship and language revival: language ideologies in corpus development for revived Manx // *Studia Celtica Posnaniensia*. 2017a. Vol. 2 (1). P. 97–118. doi: 10.1515/scp-2017-0006
11. Lewin Ch. 'Manx hardly deserved to live': Perspectives on language contact and language shift // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 20176. № 64. P. 1–70.
12. Stowell B. The case of Manx Gaelic // *Rebuilding the Celtic languages: Reversing language shift in the Celtic countries*. Talybont: Y Lolfa, 2005. P. 383–416.
13. O'Rahilly T. F. Irish dialects past and present, with chapters on Scottish and Manx. Dublin: Browne & Nolan, 1932.
14. Broderick G. Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man. Tübingen: Niemeyer, 1999.
15. McLeod W. Linguistic Pan-Gaelicism: A dog that wouldn't hunt // *Journal of Celtic Linguistics*. 2008. № 12 (1). P. 87–120.
16. Broderick G. Neologisms in revived Manx in the Isle of Man // *Studia Celtica Fennica*. 2013. Vol. 10. P. 7–29.

REFERENCES

1. Guermanova, N. N. (2021). Language standardization and linguistic conflictology. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 11–22. (In Russ.)
2. Arkhipova, L. S. (2019). Standardization of a minority language as a means of increasing its ethno-linguistic vitality. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(819), 11–21. (In Russ.)
3. Grinevald, C., Bert, M. (2011). Speakers and communities. In *The Cambridge Handbook of Endangered Languages* (pp. 45–65). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Ó Murchadha, N. P., Hornsby, M., Smith-Christmas, C., Moriarty, M. (2018). New Speakers, Familiar Concepts? In *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* (pp. 1–22). London: Palgrave Macmillan.
5. Costa, J. (2015). New speakers, new language: on being a legitimate speaker of a minority language in Provence. *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 127–145.
6. Guermanova, N. N. (2023). Arisen like phoenix: revitalisation of the Manx language. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series Linguistics*, 3, 18–26. (In Russ.)
7. Ó hlfearnáin, T. (2015). Sociolinguistic vitality of Manx after extreme language shift: authenticity without traditional native speaker. *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 45–62.
8. Cheek, C., Nicol, S., Grainger, S. (2011). Manx identity and Comeovers. In *Islands and Britishness: A Global Perspective* (pp. 65–77). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
9. Lewin, Ch. (2022). Continuity and hybridity in language revival: The case of Manx. *Language in Society*, 51(4), 663–691. doi:10.1017/S0047404521000580
10. Lewin, Ch. (2017a). Scholarship and language revival: language ideologies in corpus development for revived Manx. *Studia Celtica Posnaniensia*, 2(1), 97–118. doi: 10.1515/scp-2017-0006

11. Lewin, Ch. (2017b). 'Manx hardly deserved to live': Perspectives on language contact and language shift. *Zeitschrift für celtische Philologie*, 64, 1–70.
12. Stowell, B. (2005). The case of Manx Gaelic. In *Rebuilding the Celtic languages: Reversing language shift in the Celtic countries* (pp. 383–416). Talybont: Y Lolfa.
13. O'Rahilly, T. F. (1932). *Irish dialects past and present, with chapters on Scottish and Manx*. Dublin: Browne & Nolan.
14. Broderick, G. (1999). *Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man*. Tübingen: Niemeyer.
15. McLeod, W. (2008). Linguistic Pan-Gaelicism: A dog that wouldn't hunt. *Journal of Celtic Linguistics*, 12(1), 87–120.
16. Broderick, G. (2013). Neologisms in revived Manx in the Isle of Man. *Studia Celtica Fennica*, 10, 7–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	